

17-й год издания

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 16

(667)

10 июня

1939 год

ЕЖЕДЕКАДНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

АНТОН ПАВЛОВИЧ

Я познакомилась с А. П. Чеховым через его сестру Марию Павловну, с которой подружилась вскоре после моего приезда в Москву, совсем молоденькой девушкой. Тогда я как-то не сознавала, что он писатель, которого уже знает и любит вся Россия, что придет время, когда каждое его высказывание будут вспоминать, каждую написанную им строку будут бережно прятать. Для меня он был просто милый Антон Павлович, «машин брат», так просто со мной шутивший и обращавшийся со мной как с равной... Как я жалею теперь, что тогда не записывала каждой его фразы, каждого доброго слова; а их было так много, так умел он к чудному, даже самому скромному творчеству подходить с интересом и с глубокой внутренней деликатностью! Так надо было бы все это сохранить... Но когда человек с нами, жив, здоров, то нам, особенно в юные годы, кажется, что это вечно будет так. Призрак потери еще не смущает нас, и мы, не считая, расточаем то богатство, о котором после будем жалеть...

Вскоре после знакомства М. П. зазвала меня в Мелихово; и с тех пор, пока оно существовало, я ездила к ним, и, как ни интересно мне жилось в Москве, эти поездки в Мелихово были для меня праздником. Я была дитя города, без семьи, жила в калейдоскопе новых лиц и впечатлений, с 17 лет работала самостоятельно; и, может быть, мне оттого так и нравилось у Чеховых, что там было то, чего мне не хватало: семья, тишина, деревенская жизнь.

Уже одно ощущение, когда после Москвы, грохота ломовиков, шумной толпы, душного вагона выйдешь, бывало, на маленькой станции Лопasnya и вдруг глотнешь чистого воздуха с запахом поля, травы, сосны, а потом сядешь в тарантас или в сани и едешь, окруженная той благодатной тишиной, тем задумчивым и ласковым простором, какие бывают только в русской природе, — одно это ощущение было успокоительно для утомленных московской суетой нервов. И оно продолжалось и усиливалось, когда я попадала в атмосферу этой семьи, такой дружной, такой «настоящей». И А. П. был там совсем другой чем в Москве.

В Москве я видела его часто. Когда он наезжал туда, с быстротой беспроволочного телеграфа разносились вести: «А. П. приехал», и дорогого гостя начинали чествовать так усиленно, что он сам себя прозвал «Авеляном» (это был морской министр, которого тогда, ввиду франко-русских «симпатий», беспрерывно чествовали то в России, то во Франции). И вот, когда приезжал наш «Авелян», начинались, по его выражению, «общие плаванья». У меня сохранилась записочка, написанная его тонким, точно намешанным почерком: «...Наконец волны выбросили безумца на берег...» (несколько строк многоточий)... «И простирали руки к двум белым чайкам...» Это не отрывок из таинственного романа: это просто означало, что А. П. приехал и хочет видеть нас — меня и мою подругу, молодую артистку Л. Б. Яворскую, с которой мы жили в одном доме, в меблированных комнатах, я — в «Мадриде» (ход с Леонтьевского, теперь улица Станиславского), она — в «Лувре» (ход с Тверской, ныне улица Горького), сообщавшихся внутренним коридором, который наши друзья окрестили «нет больше Пиренеев».

Компания наша была — сотрудницы «Русской мысли» и «Русских ведомостей» Гольцев, Саблин, редактор «Артиста» Куманин,

милейший Д. Н. Мамин-Сибиряк со своей трубкой, И. Потапенко с «интересной бледностью чела» и романами, которые он недурно пел, представительный А. И. Ожин — артист и драматург, серьезный С. А. Муромцев, впоследствии председатель первой думы, профессор политической экономии И. Ивановов и многие другие серьезные люди, общественные деятели, отдававшие «делу время», но и «потехе час».

Чехов разделял все наши развлечения, интересы, говорил обо всем, о чем говорила Москва, праздновал «Татьяну», просиживал ночи, слушая музыку, как и мы, но я не могла отделаться от впечатления, что он «не с нами», что он зритель, а не действующее лицо, зритель далекий и точно старший, играющий с детьми — делающий вид, что ему интересно, а ему неинтересно... И где-то, за стеклами его пенсне, за его юмористической усмешкой, за его шутками чувствовалась грусть и отчужденность. Была ли тому причиной болезнь, которая давала себя знать, и ему как врачу была слишком ясна, неудовлетворенность ли общественной жизнью, а, может быть, и личной, — но радости в А. П. не было, и всегда «издали» на все смотрели его прекрасные, умные глаза. Там он носил на часах брелок, который как-то показывал мне, с надписью: «Одинокому весь мир пустыня». Но в Мелихово он был совсем иной чем в Москве. Оно являлось для него оазисом в этой пустыне. Там он играл активную роль, там все его интересовало. Я попала в Мелихово, когда он владел им уже больше года и из запущенной, неказистой усадьбы оно успело под умелыми руками превратиться в полную чашу. Каждая постройка, каждая новая посадка, каждое новое приобретение — собака, петух — все увлекало его, и никогда я там не видела того рассеянного, отсутствующего его взгляда, какой часто ловила в Москве.

Он очень полюбил Мелихово. Он писал о нем: «Тут все в миниатюре: маленькая липовая аллея, пруд величиной с аквариум, маленькие сад и парк, маленькие деревья: но пройдемся раз-другой, взглядишься, — и впечатление маленького исчезает: очень просторно...» Мне невольно приходит в голову соответствие этого с его маленькими рассказами: страница — две, а прочтешь раз-другой, задумаешься, — и впечатление маленького исчезает — и какой простор мыслям, настроению, какая широкая картина...

«Здесь изобилие скворцов, — писал он, — а скворец может с полным правом сказать про себя: пою богу моему дондеже есмь. Он поет целый день не переставая. ...Да, в деревне теперь хорошо: не только хорошо, но даже изумительно. Весна настоящая, деревья пускаются, жарко. Поют соловьи, и кричат на все голоса лягушки. У меня ни гроша, но я рассуждаю: богат не тот, у кого много денег, а тот, кто имеет средства жить теперь в роскошной обстановке, какую дает ранняя весна. Действительно, каждый розовый куст, каждый тюльпан, который он сам сажал, казались ему богатством, отмечались им и пробуждали в нем действительность. Жизнь в Мелихово шла тихо, иногда разнообразясь прогулками по окрестностям или поездками к соседям, родственникам поэта Фета, где было много роз и хозяйка чудесно играла Бетховена. А. П. любил музыку и умел ее слушать. Но главным образом он работал в Мелихово. Помимо того что писал — и писал много — он возился с сельским хозяйством, занимался земской деятельностью,

а кроме того лечил по всей округе крестьян и надому и за несколько верст; при этом никогда не уставал от Мелихова так, как от Москвы.

Любопытно: когда я приехала в Москву, никого еще почти там не зная, кроме своей — щепкинской — семьи, я поехала в эту самую Лопанку, навестить свою кормилицу, чудесную женщину, заболевшую чахоткой. Когда я стала расспрашивать ее, как она лечится, есть ли у них доктор, она мне ответила: «Не бойся, родимая: дохтур тут у нас такой, что и в Москве не сыщешь — наш Антон Павлович, уж такой душевный, такой душевный... И лекарства мне очень хорошо сам дает». Только несколько месяцев спустя, когда я подружилась с Чеховым и узнала адрес их усадьбы, я поняла, что кормилица говорила мне о Чехове.

Летом я не ездила в Меликово: обыкновенно скиталась в это время заграницей — и потому попадала к ним, когда «гостей» не было. Летом их наезжало столько, что мать и сестра А. П. с ног сбивались, а А. П. бежал из дому в крохотный флигелек (в котором, между прочим, он написал «Чайку»), чтобы работать без помехи. Но я всегда бывала только с семьей. Так как А. П. знал, что я приезжала, собственно, к его сестре, а не к нему, то и не было никакого стеснения. Принимал он меня радостно и приветливо. Если знал, что я в деревне у них, а сам был в это время в отъезде, то писал сестре: «Таня обязана остаться и ждать моего приезда, иначе ей будет плохо». Он относился ко мне хорошо, звал меня просто Таней (и то сказать: он был на пятнадцать лет старше меня). При мне он много занимался, затворившись в своем кабинете, работал, но когда отдыхал, то отдыхал от души и бывал тепло радушен и оживлен. Его хорошее отношение ко мне высказывалось, между прочим, в том, что он неизменно меня дразнил... Перед моими приездами обычно он присылал мне «реестры», чего надо привезти, вроде: «Милая Таня, привезите две бут. красного вина Удельного, 1 ф. швейцарского сыру, одну вареную колбасу, и одну копченую, и 1 ф. прованского масла. Обязательно привезите, а то вам же самим нечего будет трескать. Любящий вас иеромонах Антоний. — Если довезете, то привезите два ф. сыра». Или: «Дорогая кума, возьмите у Келлера на Никольской два ф. крахмалу самого лучшего, для придания нежной белизны сорочкам, а также панталонам. Там же взять 1/2 ф. прованского масла, подешевле, для гостей. А также любывайте на Арбате у портного Собакина и спросите у него, хорошо ли он шьет. Остаюсь любящий вас кум-Мирошник, или сатана в бочке».

В осеннюю распутицу он предостерегал меня от поездки (что было не лишним: я хорошо помню, как мы раз с его братом Иваном Павловичем ехали верст десять от станции пять часов: то сани провалятся и замерзнут — надо их вырубать, то лошади провалятся и замерзнут — надо их вытаскивать). «...Я буду в восторге, если вы приедете к нам, но боюсь, как бы не вывихнулись ваши вкусные хрячки и косточки. Дорога ужасная, тарантас подпрыгивает от мучительной боли и на каждом шагу теряет колеса. Когда я в последний раз ехал со станции, у меня от тряской езды оторвалось сердце, и я теперь уже не способен любить».

Но когда я не послушалась его совета, один взгляд его, вышедшего меня встречать на крыльцо, уже сказал мне, что он рад, чувствуя, как я люблю и его и их семью и весь уклад.

Даже когда он хвалил меня, то делал это под видом шутки: то уверял, что какие-то мои стихи так удачны, что, конечно, я их списала в старом журнале, то писал, например: «...Сегодня в 9 часов утра, сидя в холодной классной комнате на Басманной, я прочел ваше «Одиночество», и простил вам все ваши прегрешения. Рассказ положительно хорош. И, нет сомнения, вы умны и бесконечно хитры. Меня больше всего тронула художественность рассказа. Впрочем, вы ничего не понимаете».

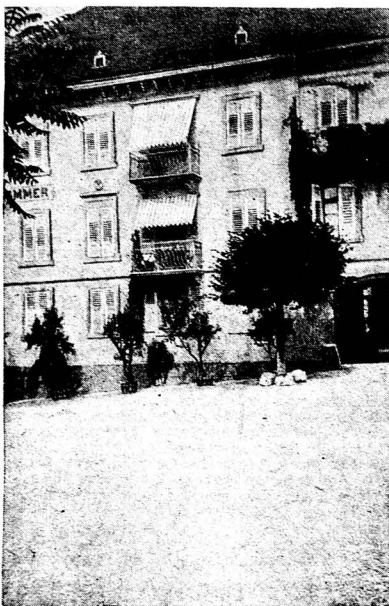
Правда, бывало, что он и серьезно писал мне, например: «Говорят, что ваша повесть

будет напечатана в «Неделе». Радуюсь за вас и от души поздравляю: «Неделя» солидный и симпатичный журнал. До свидания, милый другок». Иногда он делал мне указания. Особенно он советовал отделяться от «готовых» слов и шаблонных фраз, вроде «причудливые очертания гор», «ночь тихо спустилась на землю», и не выносила, когда в стихах попадались «птички», «звездочки», «цветочки» — вообще уменьшительные. Одно время он очень увлекался психиатрией (как раз он писал тогда для «Артиста» рассказ «Черный монах») и серьезно говорил мне: «Если хотите сделаться настоящим писателем — изучайте психиатрию. Это необходимо».

Я очень ценила его добрые отзывы. Между прочим, мне не приходилось видеть писателя, который бы так тепло и с такой добротой относился к начинающим молодым своим братьям, как Чехов. Он постоянно за кого-то хлопотал по редакциям, чьи-то вещи устраивал, давал драгоценные советы и искренно радовался, когда находил что-нибудь, казавшееся ему талантливым. Довольно привести, например, его отношение к молодому Горькому, вспомнить его письма к последнему — письма друга, старшего брата, — чтобы показать, как чуждо было Чехову какое-либо чувство профессиональной зависти. Это редкое качество очень выделяло его среди большинства литераторов. Устами своего Тригорина («Чайка») он говорит: «К чему толкаться? Всем места хватит». И он не только не «толкался», но всегда с готовностью протягивал руку помощи младшему товарищу. Он где-то сказал: «Человек должен быть ясным умственно, чистым нравственно и опрятным физически». Это был его принцип, и он следовал ему неукоснительно, вплоть до того, что он, проведший годы детства в более чем скромной, убогой обстановке маленького провинциального городка, был опрятен и чистоплотен до щепетильности, как впрочем вся их семья: я такой чистоты, порядка и свежести в комнатах, в саду, в каждом сарайчике не видывала. В общем мелиховский дом и уклад мог бы, по-моему, хорошо описать только сам Чехов. Это была настоящая чеховская усадьба — не тургеневская, не старинный дом с колоннами или романтический уголок из «Фауста» или «Затишья», но новый, низенький дом без всякого «стиля», все нового поколения, новые посадки, сделанные руками хозяина.

У всех Чеховых есть одно замечательное свойство: их «слушаются» цветы и растения. Как говорится, «хоть палку воткни» — все хорошо примется. На его «Белой даче» в Крыму буквально в два года вырос чудный сад. Тут, в Мелихове, А. П. сам сажал, высеивал, обрезал розы, обмывал яблоны известью и гордился своим садом. Каждое дерево показывал в особом освещении. Ходя со мной по дорожкам, говорил: «Вот эти сосны особенно хороши на закате, когда стволы красные. А дуб надо смотреть в сумерках: вот стемнеет, — пойдем к нему». Прудик свой он любил, и ему не мешало, что на том берегу была деревня, — и завалянку перед гумном, смотревшую прямо в поле. Не могу сказать, чтобы там места были особенно красивые: но большая русская прелесть была в просторе полей, в темносиней полосе леса, в алых закатах, ложившихся на полосы сжатого хлеба. И потом, как он писал: «Глушь, тишина, соловьи, лоси...» Может быть, эта чисто русская, спокойная природа была ему своеобразно близка, ближе Крыма, где он томился и откуда писал мне: «Мне здесь скучно, как белуге...» или: «Скучно: давит под сердцем, точно съел громадный горшок постных щей...»

Я вспоминаю высказанную Гончаровым мысль, которую он вкладывает в уста Райскому в «Обрыве»: «писать скуку». Ведь жизнь многогосторонняя и многообразная, и если эта широкая и голая как степь скука лежит в самой жизни, как лежат в природе безбрежные поля, пески... то и скука может и должна быть предметом мысли, анализа, кисти. Гончаров в «широкой и голой степи» видел воплощение скуки... А вот Чехов написал рассказ «Степь» (для меня — один из прекраснейших рассказов его) — рассказ почти без содержания, без завязки и развязки,

Отель в Баденвейлере, где умер А. П. Чехов.

просторный и широкий, как та «широкая, голая степь», о которой говорил Гончаров, — но как много увидел он в этой степи — какое богатство красок, наблюдений, впечатлений! Читая его, вы словно дышите ароматом степных трав, видите «пепельно седые облака», несущиеся по бескрайнему небу, слышите трепет крыльев стрепета и простые речи простых людей и не оторветесь от рассказа, пока не кончите его, а потом будете с новым наслаждением перечитывать его, как всегда с новым наслаждением смотрящих на любимую картину природы. Вот так мне кажется, что Чехов и в этой «людской скуке», о которой думал Гончаров и о которой он сам часто писал, находил и умел оставить для нас такое же богатство мыслей, чувств, характеров, возможностей, как в своем рассказе о «широкой, голой степи» — красок и картин... И только наша смелая эпоха решилась откинуть от Чехова кличку «пессимиста» и «нытика» — шаблонные определения шаблонных критиков — и наша в его грустных, как русская действительность его времени, рассказах те ростки живой веры в народ, в его будущее, те ноты уверенности в победе нового человека, которые теперь так ясно зазвучали для его исследователей.

Чехов никогда не говорил громких фраз о «любви к народу», о «меньшом брате», на что были так щедры либералы его эпохи. Но он писал: «Администрация деит на податных и привилегированных. Но ни одно деление не годно, ибо все мы — народ, и все то лучшее, что мы делаем, — есть дело народное». И вся его жизнь была служением народу так или иначе, даже в его маленьком Мелихове. Близость деревни потому и не мешала ему, что он был в наилучших отношениях с крестьянами. Не только близкие соседи, но и окрестные деревни обращались к нему за всем просто и без церемоний. Полна деревня была каких-то старух: бабка Вера, бабка Анна, которых он и лечил и содержал.

Делалось это просто, без слащавой сентиментальности, все с той же шуткой, являющейся отличительной чеховской чертой. У всех у них эта немножко юмористическая складка губ, и собирающиеся в лучистые морщинки углы глаз, и умение пошутить, и любовь подзанивать. А. П. сам писал: «Вы знаете, мы не можем жить, если у нас нет мишени, куда бы мы не пускали свои юмористические стрелы». Но в его шутках никогда не было яда или колющей насмешки, поддразнивание его было так добродушно,

что я первая над ним смеялась. Он, например, после того, как мы с ним крестили дочку у одного соседа, уверяла, что крестил со мной нарочно, чтобы я не женила его на себе (в то время браки между кумовьями запрещались), зато грозил, что выдаст меня замуж за некоего Е-ва, нелюбимого им журналиста-человека, говорят, очень невзрачного на вид (я его так и не видала). И один из его любимых рассказов был такой: как он, А. П., будет «директором императорских театров», будет сидеть, развалился в кресле не хуже «его превосходительства», и курьер ему доложит: «Ваше пр-во, там бабы с псами пришли (вот как, у нас бабы с грибами ходят)... «Ну, пусти!»... — и вдруг входите вы, кума, и прямо мне в пояс. «Кто такая?» «Татьяна Е-ва-с-а...» «А! Татьяна Е-ва! Старая знакомая... Ну, уж так и быть, по старому знакомству приму вашу псесу».

Как-то А. П. затеял писать со мной одну-единственную псесу под названием «День писательницы». Он написал для нее длинный первый монолог, который заканчивала множество шутки в мой город и начинался так: «Я — писательница. Вы не верите? Посмотрите на эти руки: это руки честной труженицы: вот и чернильное пятно!» (у меня всегда бывало чернильное пятно на среднем пальце...). Я почему-то запомнила это начало, запомнила еще, как писательница мечтает уехать от московской суеты куда-нибудь в деревню: «Чтобы была снег... тишина... ваали собаки лают и кто-то на тармошке играет, а-а-а какой-нибудь Чехов...» Я не успела дописать своей части, а тетрадка у меня затерялась, с ней — и монолог, писанный чеховской рукой. Как мне теперь жаль его... Помню, раз как-то шли мы в усадьбу после дождя, который мы долго переждали в пустой риге, и Чехов, держа мокрый зонтик, сказал: «Вот бы написала такой воде-виль: пережидают двое ливень в пустой риге, шутят, смеются, сушат зонты, объясняются в любви — и вдруг он умирает от разрыва сердца».

«Что это вы, А. П.? — изумилась я. — Какую же это будет водевиль?» «А зато жизненно; разве так не бывает? Вот, шутим, смеем-

А. П. Чехов и А. М. Горький, 1900 год.

ся и вдруг хлоп и конец! Разумеется, такого водевиля он не написал. Иногда он вытаскивал свою записную книжку, из которой прочитывал нам поразившие его фразы, названия станций, имена вроде «Розалия Осиповна Аромат». Как-то сказал: «Вот, кума, когда выйдете замуж, непременно так с мужем разговаривайте. Это я слышал на пароходе, одна дама говорила мужу: «Жан, твою птичку укачал». Надо было слышать капризно-детский тон, которым он передразнивал эту даму. Я потом нашла эту фразу в рассказе «Ариадна». Вообще много черточек разбросано им было, которые я встречала, как старых знакомых: привычка одной хорошенькой молодой девушки нюхать табак, которой он снабдил Машу в «Чайке», некоторые восклицания Яворской в устах Аркадиной...

Когда Чехов продал Мелихово и переселился в Ялту, у меня как будто оторвался кусочек сердца... Вскоре и я уехала из Москвы, жила то в Петербурге, то за границей: в Крым мои скитания не приводили меня. Мы обменивались письмами с А. П.; он писал в обычном, шутовском тоне: то прилетит из-за границы счет из гостиницы с требованием хозяина ко мне немедленно уплатить, то просит моей псесы, «т. к. хочет читать лекции об упадке драматического искусства...» Я первая написала ему о постановке «Чайки» в Художественном театре, на которой он не присутствовал. Он откликнулся письмом: «Милая кума, поздравляю вас с новым счастьем, с новым годом, желаю провести оный в добром здравии и благополучии и дожидаться многих предбудущих. Телеграмму вашу получил и был тронут до глубины сердца. И письмо ваше пришло первым, и так сказать, первой ласточкой, принесшей мне вести о «Чайке», были вы, милая, незаменимая кума. Когда пришлете мне вашу книжку стихов? Кстати сказать, ваше стихотворение «Монастырь» просто прелесть — одно великолепие. Очень, очень хорошо. Здесь в Ялте продолжается теплая погода, хочется снегу. Жму руку. Будьте здоровы, не забывайте вашего кума кучера Антона». А стихи, о которых упоминает А. П., были наведены как раз похоронами его отца в Ново-Девичьем монастыре.

Так время от времени мы писали друг другу, но встречались уже редко. Последняя встреча наша живо осталась у меня в памяти. А. П. приехал в Москву осенью, в отчаянную погоду. Я ужаснулась происшедшей в нем перемене: бледный, землестый, с ввалившимися щеками, он совсем не похож был на прежнего А. П. Трудно было поверить, что он живет в Ялте: ведь это должно было поддержать его, все говорили, что в его возрасте болезнь эта неопасна для жизни... Но он горбился, зябко кутался в плаед, то и дело подносил к губам баночку для сплевывания мокроты... Он скучал в Ялте, рвался в Москву и оставался там дольше, чем это позволяла доктор и благо-разумие... Ольга Леонардовна уезжала на концерт, нежно простилась с А. П. и исчезла, красивая и нарядная... Он поглядел ей вслед, сильно закашлялся и долго кашлял. Поднес свою баночку к губам и, когда прошел приступ кашля, сказал без всякой связи с нашим разговором, весело вставшимися около воспоминаний прошлого, общих знакомых и т. д.: «Да, кума... Помнить пора».

После этого я больше не видала А. П., даже не была на его похороны: была за границей. Только года три спустя приехала я на его могилу, застала там свежие цветы и какую-то молоденьку, пришедшую поклониться праху тогда еще любимого, потом словно на время забытого писателя. Я стояла над его могилкой и думала: «Нет, он не умер для нас. Он с нами в каждом сером дне, в каждой девушке, задумавшейся над жизнью, в каждом облетевшем лепестке вишневого сада, в светлой вере в то, что жизнь еще будет прекрасной».

Он не дожид до освобождения своей родины; но он мечтал о нем, верил в него, работал для него, и потому он всегда останется с нами.

Таруса, 4 июня 1939 г.

Комментарий

Щепкина-Куперник Татьяна Львовна (1874–1952) – писательница, поэтесса, драматург, переводчица. Правнучка актера М.С. Щепкина. Близкая знакомая Чехова и его семьи. Публиковалась в журналах и газетах «Новое время», «Русские ведомости», «Русская мысль» и т.д. Переводила пьесы К. Гольдони, П. Кальдерона, Лопе де Вега, Мольера, Э. Ростана, У. Шекспира

Щепкина-Куперник – автор нескольких книг воспоминаний («Дни моей жизни», «О М.Н. Ермоловой. (Книга воспоминаний)», «Театр в моей жизни»), а также большого количества мемуарных статей об А.П. Чехове, печатавшихся в советской периодической печати в 1930–1950-е гг.

Я познакомилась с А.П. Чеховым ~ зазвала меня в Мелихово... — Щепкина-Куперник познакомилась с Чеховым в октябре или ноябре 1893 г., а первый раз посетила Мелихово в декабре 1894 г.

Ломовик — Разговорная форма от «ломовой извозчик»: извозчик, занимающийся транспортировкой тяжелых грузов. У Щепкиной-Куперник – собственно ломовая повозка. С ломовым конем (ученым тупицей) сравнивает своего коллегу в чеховской повести «Скучная история» рассказчик Николай Степанович.

Лопасня — Станция (ныне – город Чехов), возле которой находилось имение Мелихово.

Тарантас — четырехколесная дорожная повозка (крытая или открытая) с амортизирующими продольными брусками. Часто упоминается в произведениях Чехова: в рассказах «Петров день», «Вор», «Осенью», «Почта», на тарантасе отправляются в путешествие в Польшу герои «Палаты № 6» доктор Рагин и Михаил Аверьяныч, на тарантасе возвращается после венчания с Машей Должиковой Мисаил Полознев («Моя жизнь») и т.д.

Авелан Федор Карлович (1839–1916) — военно-морской и политический деятель, адмирал. Командовал русской эскадрой во время дружественного визита в Тулон в октябре 1893 г., по случаю заключения франко-русского альянса. П.А. Сергеев вспоминал, что летом 1893 г. «довольно большая компания разгуливала в подмосковном дачном парке около Мазилówki. Если не ошибаюсь, компанию составляли: А.П. Чехов, В.А. Гиляровский, М.А. Саблин, И.Н. Потапенко и др. Чехов был центральной фигурой и числился между нами под именем “Авелана”. В этот период наша эскадра с адмиралом Авеланом чествовалась во Франции, и на одной вечеринке за Чеховым так ухаживали, что

кто-то в шутку сравнил его с ад<миралом> Авеланом. Чехов весело подхватил шутку и с комической серьезностью поддерживал в течение известного периода адмиральское амплу» (О Чехове. Воспоминания и статьи. М., 1910. С. 173). После этого кружок друзей и знакомых Чехова называл себя «Авелановой эскадрой», а свои посещения театров, гостиниц, ресторанов и т.п. – «плаванием». В воспоминаниях Сергеенко и Щепкиной-Куперник есть разночтение: по мнению последней, прозвище «Авелан» Чехов присвоил себе сам, по мнению Сергеенко – поддержал чью-то шутку.

У меня сохранилась записочка... — Записка Чехова Щепкиной-Куперник от 15 октября 1894 г.

Яворская Лидия Борисовна (1871–1921) — популярная актриса рубежа XIX–XX вв. В чеховских пьесах, ставившихся в «Новом театре» в Санкт-Петербурге в 1900-е гг., исполняла роли Нины («Чайка») и Маши («Три сестры»). Входила в близкое окружение Чехова, принимала участие в «плаваньях» «Авелановой эскадры».

«Мадрид» и «Лувр» — московский гостиничный комплекс «Лувр. Мадрид» располагался (в виде буквы «п») главной частью – «Лувр» – по Тверской улице (ныне на этом месте – дом № 15) и основаниями по двум переулкам – Вознесенскому и Леонтьевскому. Главная часть была снесена в 1930–1940-е гг. в ходе реконструкции и расширения Тверской улицы, часть «Мадрида» сохранилась в Леонтьевском переулке (ныне – дом № 24).

...«нет больше Пиренеев». — Крылатая фраза, которую приписывают Людовику XIV, отсылающая к одному из эпизодов войны за Испанское наследство. Незадолго до смерти Карл II, последний король Испании из рода Габсбургов, объявил своим наследником Филиппа, герцога Анжуйского, – внука короля Франции Людовика XIV. Узнав об этом, Людовик XIV якобы воскликнул: «Нет больше Пиренеев» (т.е. «нет границ между странами» – фраза выражала стремление французских политических элит к созданию единой франко-испанской монархии).

Гольцев Виктор Александрович (1850–1906) — журналист, писатель, литературный критик; с 1880 г. – сотрудник и позднее редактор журнала «Русская мысль». Чехов активно сотрудничал в этом журнале в 1890-е гг. и близко общался с Гольцевым (обращались к друг другу на «ты» в переписке).

Саблин Михаил Алексеевич (1842–1898) — общественный деятель, статистик. В 1883–1884 гг. сотрудничал в журнале «Русская мысль».

Куманин Федор Александрович (1855–1896) — театральный критик, переводчик, издатель журнала «Артист».

Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович (1852–1912) — прозаик и драматург.

Потапенко Игнатий Николаевич (1856–1929) — прозаик и драматург, один из наиболее близких знакомых Чехова в 1890-е гг.

...с *«интересной бледностью чела»*... — Отсылка к повести А.С. Пушкина «Метель»: «...не смотря на ее холодность, Марья Гавриловна все по-прежнему окружена была искателями. Но все должны были отступить, когда явился в ее замке раненый гусарской полковник Бурмин, с Георгием в петлице и с *интересной бледностию*, как говорили тамошние барышни».

Южин Александр Иванович (1857–1927) — (настоящая фамилия – Сумбатов) актер, драматург, театральный деятель. Входил в близкое окружение Чехова.

Муромцев Сергей Андреевич (1850–1910) — политический деятель, правовед, социолог. Известно одно письмо Чехова к жене С.А. Муромцева – оперной певице М.Н. Климентовой-Муромцевой и три ее письма (в частности, она приглашала Чехова побывать в ее салоне).

Иванюков Иван Иванович (1844–1912) — экономист, сотрудник журнала «Русская мысль».

...праздновал *«Татьяну»*... — «Татьяна» – Татьянин день (по православному календарю – день мученицы Татьяны). Во времена Чехова отмечался 12 января как традиционный праздник московских студентов, поскольку в этот день в 1755 г. был основан Московский университет. В настоящее время празднуется 25 января (по новому стилю) как «День российского студенчества». Чехов всегда отмечал Татьянин день и напоминал о нем в письмах.

...брелок... с надписью: *«Одинокому весь мир пустыня»*. — Л.А. Авилова вспоминала о сургучной печати, которой Чехов запечатывал свои письма, с надписью «Одинокому везде пустыня» (А.П. Чехов в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1986. С. 177). Следует при этом учитывать, что в современном чеховедении воспоминания Авиловой в целом котируются как недостоверные (См. Садыги Л.М. Чернильница в форме сердца. (Лидия Авилова и ее мемуары о Чехове) // Чеховиана: Чехов в культуре XX века. М.: Наука, 1993. С. 190–236).

Я попала в Мелихово, когда он владел им уже больше года... — Чехов подписал договор на приобретение имения 2 февраля 1892 г., переехал 4 марта.

Он писал о нем: «Тут все в миниатюре ~ ранняя весна». — Контаминация цитат из двух писем Чехова: к А.С. Суворину от 6 апреля 1892 г. (Тут все в миниатюре... не переставая») и к Л.А. Авиловой от 29 апреля 1892 г. («Да, в деревне теперь хорошо... дает ранняя весна»). Щепкина-Куперник могла прочесть эти письма в четвертом томе шеститомника чеховских писем, изданного М.П. Чеховой в 1912–1916 гг. (Письма

А.П. Чехова. Том IV. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1914. Письмо к Суворину на с. 52–53, письмо к Авиловой на с. 64–66).

...занимался земской деятельностью... — Земство – распорядительные (земские собрания) и исполнительные (земские управы) органы местного самоуправления. После переезда в Мелихово Чехов активно участвовал в работе Серпуховского земства: собирал средства голодающим крестьянам после неурожая 1891 г., во время эпидемий холеры 1892 и 1893 гг. заведовал мелиховским противохолерным участком, помогал крестьянам в приобретении сельскохозяйственной техники и т.д.

...лечил по всей округе крестьян... — М.П. Чехова вспоминала, что после переезда в Мелихово Чехов организовал прием крестьян из Мелихова и окрестных деревень: «образовался настоящий больничный приемный пункт, или, как его называли бы теперь, – амбулаторный прием больных. Антон Павлович установил приемные часы утром» (Чехова М.П. Из далекого прошлого. М.: Гослитиздат, 1960. С. 119).

...навещать свою кормилицу... — Кормилица – женщина, которую нанимали для кормления грудью вместо матери. Щепкина-Куперник вспоминала, что мать «меня... получила уже от кормилицы, годовалой» (Щепкина-Куперник Т.Л. Дни моей жизни. М.: Федерация, 1928. С. 34). Эту кормилицу Щепкина-Куперник и навещала в деревне около станции Лопасня.

...крохотный флигелек (в котором он написал «Чайку»)... — В 1894 г. по проекту Чехова в Мелихове был построен гостевой флигель, который писатель позднее использовал для литературной работы. 5 мая 1899 г. Чехов подарил О.Л. Книппер фотографию этого флигеля с дарственной надписью: «Мой дом, где была написана “Чайка”. Ольге Леонардовне Книппер на добрую память».

«Таня обязана остаться...» — Неточная цитата из письма Чехова к М.П. Чеховой от 23 июля 1895 г., в оригинале: «Таня обязана остаться и ожидать нашего приезда, иначе ей будет плохо».

«Дорогая Таня ~ сатана в бочке» — Приведены тексты писем Чехова к Щепкиной-Куперник от 11 августа 1895 г. и от 22 июля 1898 г.

«Я буду в восторге...» — Отрывок из письма Чехов к Щепкиной-Куперник от 28 ноября 1894 г.

«...Сегодня в 9 часов утра...» — Неточная цитата из письма Чехова к Щепкиной-Куперник от 24 декабря 1894 г.: в оригинале «простил... преступления».

«Говорят, что ваша повесть...» — Отрывок из письма Чехова к Щепкиной-Куперник от 24 ноября 1894 г. Речь идет о повести «Счастье».

...писал тогда для «Артиста» рассказ «Черный монах»... — «Черный монах» был написан летом 1893 г. в Мелихове и опубликован в журнале «Артист» в № 1 1894 г. В письме к М.О. Меншикову от 15 января 1894 г. Чехов писал: «Это рассказ медицинский, *historia morbi* [история болезни]».

...его отношение к молодому Горькому, вспомнить его письма к последнему — письма друга, старшего брата... — Чехов и Горький как близкие друзья — распространенная тема в советском литературоведении, критике и мемуаристике в 1930–1950-е гг. Реальные взаимоотношения Чехова и Горького, судя по переписке, не носили в строгом смысле слова дружеского характера.

«Человек должен быть ясным умственно, чистым нравственно и опрятным физически». — Афоризм из I и IV записных книжек Чехова.

На его «Белой даче» в Крыму буквально в два года вырос чудный сад. — Садоводство — важная часть жизни Чехова времен ялтинского периода. В письме к М.О. Меншикову от 20 февраля 1900 г. Чехов рассуждает: «Мне кажется, что я, если бы не литература, мог бы быть садовником». Похожие мысли — в письме к О.Л. Книппер-Чеховой от 6 декабря 1901 г.: «Дуся моя, если бы я теперь бросил литературу и сделался садовником, то это было бы очень хорошо, это прибавило бы мне лет десять жизни».

...откуда писал мне... — Далее — цитаты из писем Чехова к Щепкиной-Куперник от 28 сентября и 1 октября 1898 г.

И только наша смелая эпоха решилась откинуть от Чехова кличку «пессимиста» и «нытика»... ноты уверенности в победе нового человека, которые теперь так ясно зазвучали для его исследователей. — О необходимости пересмотра дореволюционных критических штампов, а также о «социальном оптимизме» Чехова, о скрытых или явных протестных аспектах его творчества писали в 1920–1930-е гг. А.Б. Дерман, М.Е. Кольцов, А.И. Роскин, Ю.В. Соболев. Со временем это оформилось в доминирующую линию интерпретации чеховского творчества в советском литературоведении и критике.

...выдаст меня замуж за некоего Е-ва, нелюбимого им журналиста-человека... — Имеется в виду Ежов Николай Михайлович (1862–1941), прозаик и журналист, фельетонист газеты «Новое время». Переписка Чехова с Ежовым и история их взаимоотношений не дают повода говорить об антипатии: в 1887–1901 гг. они состояли в регулярной переписке; Ежов бывал у Чехова в Мелихове; Чехов знакомил его с издателями (в частности, с А.С. Сувориным). Есть основание предполагать, что замечание Щепкиной-Куперник о нелюбви Чехова к Ежову — анахронизм, связанный с очерком Ежова «Антон Павлович Чехов. (Опыт характеристики)», напечатанным после смерти Чехова (Исторический вестник, 1909. № 8. С. 499–519). Ежов полемизировал с

появившимися на тот момент в печати воспоминаниями о Чехове и пытался доказать, что чеховские человеческие и писательские качества необоснованно идеализируются. Очерк носил подчеркнуто разоблачительный характер, вызвал полемику в печати и обеспечил Ежову одиозную репутацию.

Последняя встреча наша живо осталась у меня в памяти. А.П. приехал в Москву осенью, в отчаянную погоду. — Документально подтвержденных данных об этой встрече не сохранилось. Если Чехов и Щепкина-Куперник действительно встречались последний раз осенью незадолго до смерти писателя и, судя по контексту, после женитьбы Чехова на О.Л. Книппер (т.е. после 25 мая 1901 г.), то произошло это или в промежутке с 17 сентября по 26 октября 1901 г., или с 14 октября по 27 ноября 1902 г. Именно в эти две осени Чехов совершил продолжительные визиты из Ялты в Москву.